

1948M
5836

2136

Комиссия по изучению естественных производительных сил России
при Российской Академии Наук.

Бюро по Евгенике.

Что такое Евгеника

Ю. А. Филипченко

ПЕТРОГРАД.
1921.

Т 1948 М
5336
5155
51 8741

Лит

Комиссия по изучению естественных производительных сил России
при Российской Академии Наук.

Бюро по Евгенике.

ПРОБЕРАНО

Что такое Евгеника

Ю. А. Филипченко

Ю. А. Филипченко

ПЕТРОГРАД.
1921.

Карело-Финская База
Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА

1973 г.

4-я Государственная Типография.

Что такое евгеника.

Одной из главных и прямых обязанностей каждого человека является *продолжение своего рода* или оставление потомства, которое в будущем должно заменить нас на жизненной арене. Это стремление к размножению человек разделяет со всеми живыми существами и, если представить себе на минуту невозможное, т. е. что размножение почему-либо прекратится, то род человеческий или каждое другое живое существо быстро вымрет и исчезнет бесследно с поверхности земли.

Важное значение этого обстоятельства сознавалось людьми уже с самых отдаленных времен. Не даром у древних евреев бездетность считалась за проявление особой немилости божией, и даже существовал закон, согласно которому брат умершего бездетным братом должен был жениться на его вдове, чтобы произвести для него потомство—«восстановить семя брату своему».

В древних Греции и Риме требовалось, чтобы каждый был женат и против безбрачия и бездетности существовали особые законы, а, с другой стороны, женатые люди,

произведшие много детей, получали в некоторых местах специальные награды.

В настоящее время эти ограничительные и поощрительные меры давно отменены и не применяются, но положение дела от этого нисколько не изменилось. Каждое государство, да и все человечество в его целом в равной мере заинтересованы, чтобы постоянная убыль, производимая в его рядах смертью, пополнялась бы рождением потомства в достаточном количестве, и то общество, в котором прирост населения почему-либо прекращается, находится под сильнейшей угрозой быстрого исчезновения. Да помимо всего этого не является ли бездетность великим несчастьем для каждого отдельного человека? Не примиряет ли любого из нас с кратковременностью нашего собственного существования только сознание, что наша жизнь не исчезнет окончательно вместе с нами, а продолжится и, может быть, в лучшей форме в наших детях, так что и человеку, точно так же как и всякому живому существу, все же свойственно этим путем известное бессмертие.

Однако как ни тяжело не иметь детей и не оставить совсем потомства, возможно еще нечто худшее, а именно произвести на свет такие элементы, которые лягут тяжелым бременем и на своих близких и на все человечество, увеличив его худшую и наименее нужную часть. Можно ли радоваться тому, что мы, правда, оставили детей, но эти дети поражены каким-либо тяжким недугом в роде хотя бы одной из душевных болезней, которые не только могут, но и наверное будут переданы и их детям? Может ли кто-нибудь считать свою обязанность

продолжения рода хорошо выполненной, если он произвел на свет несколько слабоумных, эпилептиков или глухонемых, или если потомство его развило в себе ряд таких особенностей, которые заставят его фигурировать в судебной или полицейской хронике? Подобные случаи, к сожалению, не составляют особенной редкости, но только точное и строго научное исследование их позволяет установить всю глубину вырождения, охватывающего некоторые семьи.

В одном научном исследовании рассматривается судьба потомства двух родных сестер, среди которого не раз происходили браки в близких степенях родства. Обе эти сестры, а также их родители были вполне здоровы, но уже в первом поколении их потомков наблюдался один случай сумасшествия, среди третьего поколения было уже 5 сумасшедших и 2 глухонемых, в четвертом поколении наблюдалось 9 сумасшедших, 3 идиота и 2 глухонемых и, наконец, в пятом, состоявшем всего из 22 членов, было 5 сумасшедших, 5 идиотов, 3 слабоумных и 3 глухонемых, т. е. две трети этого поколения были поражены различными тяжелыми страданиями. Или возьмем другой пример: судьбу потомства одной содержательницы притона, бывшей к тому же и горькой пьяницей, которая умерла в Англии в 1827 году. За 75 лет число ее потомков, т. е. детей, внуков, правнуков и т. д., достигло до 800 человек, но вот какие удалось собрать об них сведения: 700 человек из них по меньшей мере однажды подвергались различным наказаниям по суду, 37 были приговорены к смертной казни, 342 были пьяницами, 127 проститутками. Конечно, во всех отношениях было

бы лучше, если бы эта женщина вообще не оставила бы потомства.

Таким образом, дело заключается не только в том, что в интересах человечества, государства и нас самих мы должны оставить после себя детей и внуков: это *потомство должно быть благородным* в истинном значении этого слова, *т. е. иметь здоровый дух в здоровом теле.*

От чего же однако зависит последнее: каким путем можно скорее всего достигнуть того, чтобы наши дети были бы вполне здоровы, развили бы в себе ряд хороших способностей и не получили бы, напротив, дурных? Немалую роль играет здесь, конечно, воспитание и вообще вся та обстановка, в которой приходится расти ребенку. С этой стороны едва ли особенно приходится удивляться тому, что в приведенном выше примере потомки содержательницы притона и горькой пьяницы пошли в значительной мере по стопам своей матери и бабушки. Каждый знает, какой неизгладимый след оставляют в душе ребенка впечатления первых лет его жизни, школа, в которой он начал учиться, товарищи и подруги, с которыми он рос, так как именно в это время детская душа еще податлива, как воск, и на ней можно запечатлеть все, что угодно. С другой стороны, как часто бывает, что тяжелая болезнь, перенесенная в детстве или в ранней юности, оставляет в человеке след на всю жизнь и нередко приводит его к преждевременному концу. Все это настолько ясно, что вряд ли требует длинных разсуждений, и, разумеется, как родители, так и государство должны обращать особенное внимание на воспи-

тание детей и на создание для них наиболее благоприятных условий для развития.

Многие склонны думать, что этим все и исчерпывается, что достаточно создать необходимые условия для развития подрастающего поколения и оно будет в достаточной степени хорошо. «Дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош» говорит в «Плодах Просвещения» один из мужиков при виде Тани. Однако это совершенно неправильно и неверно даже для свиней, а тем более для людей.

Если бы одним питанием можно было бы так быстро улучшать животных, то никто из хозяев не стремился бы к выведению новых пород, не приобретал бы породистых производителей, за которых иногда приходится платить большие деньги, а между тем в хорошо поставленных хозяйствах именно на это и обращают особенное внимание. Происходит же это потому, что кроме кормления и ухода за животными их качества зависят еще от одного и при том наиболее важного обстоятельства, именно от особой силы, называемой *наследственностью*.

С этой силой мы встречаемся на каждом шагу и настолько привыкли к ней, что она отнюдь не кажется нам странной и почти не привлекает нашего внимания. Вот перед нами два куриных яйца: оба они совершенно одинаковы по своему внешнему виду, а положите их под курицу, и вы получите из одного обыкновенную беспородную курицу, а из другого пестрого породистого плимутрока. Что же тут странного, скажет всякий: одно яйцо было от обыкновенной курицы, а другое от курицы-плимутрока. Но разве не странно, что такие сравнительно

небольшие различия пород всегда передаются через яйца, совершенно одинаковые по своему внешнему виду? Разве еще более не странно, что каждый из нас наследует от своих родителей ряд совсем незначительных особенностей личного свойства в роде цвета глаз, формы носа, многих черт характера и т. п.? И опять таки здесь все эти особенности передаются не только матерью, которая вынашивает и вскармливает ребенка, но в равной степени и отцом, который дает для образования нового существа мельчайшую частицу своего тела—так называемый сперматозоид или живчик, соединяющийся при оплодотворении с яйцом, производимым матерью. Эти сперматозоиды настолько мелки, что их можно хорошо видеть только при довольно сильных увеличениях микроскопа (длина сперматозоида у человека, например, равна $\frac{1}{20}$ миллиметра), между тем зачастую бывает, что сын и по своей наружности и по внутреннему складу характера является как бы точной копией отца. Не говорит ли это в пользу необычайной силы наследственности, силы, на которую мы только привыкли не обращать особенного внимания?

Вообще все особенности и человека и любого другого живого существа можно разделить по их происхождению на две группы: на *приобретенные* и *прирожденные свойства*. Приобретенными свойствами называют все то, что вырабатывается у человека в течение всей его жизни под влиянием и воспитания, и обстановки, в которой ему приходится жить, и перенесенных им болезней и т. д. Прирожденные же свойства это те, которые мы получаем от наших родителей в силу законов наследственности и благодаря тому же самому передаем нашим детям. Спра-

шивается, какая же из этих двух групп важнее, конечно, с точки зрения продолжения рода?

Не может быть сомнения в том, что приобретенные свойства имеют громадное значение для их обладателя. Кто откажется от тех навыков, способностей, привычек, которые он выработал в себе в течение всей жизни часто с затратой большого времени и труда? Кто, с другой стороны, не хотел бы избавиться от тех тяжелых влияний, которые наложила на наше здоровье вся прожитая жизнь и которые порою дают себя так больно чувствовать? Но как ни важны эти благоприобретенные свойства для каждого из нас, они имеют мало значения для будущих поколений, ибо в громадном большинстве случаев эти свойства не передаются нашим потомкам, т. е. они не наследственны.

Из того, что один из нас в течение всей жизни занимался умственной работой, а другой физическим трудом, ни в коем случае не следует, что дети первого будут более склонны идти по стопам своего отца, а дети второго—по стопам своего: напротив, нередко наблюдается совсем обратное. Человек, занимавшийся атлетикой или каким-нибудь видом спорта, не передает потомству результатов упражнения своей мускулатуры, и в этом отношении оно получит от него не более того, что он сам получил от своих родителей. Если кто-нибудь изучил в течение своей жизни ту или иную науку, то или иное ремесло, музыку или несколько языков, отнюдь не значит, что его детям будет легче проделать в свое время то же самое за исключением случаев, когда в данной семье есть определенная наследственная способность к известным наукам, ремеслам, музыке или языкам. Вообще воспитанием, обучением и т. п.

можно лишь развить в себе уже имеющийся задаток, а отнюдь не создать его вновь.

Совершенно то же имеет место и по отношению к благоприобретенным болезням, которые носят в большинстве случаев заразный характер. То, что кто-нибудь из нас хворал тифом, оспой, холерой и т. д., совершенно безразлично для его потомства: оно может и получить в свое время и не получить этих болезней, так же как и все вообще люди.

Правда, имеются и другие боли тяжелые страдания, которыми человек тоже заражается, т. е. носящие также благоприобретенный характер, при чем они отражаются зачастую не только на самом больном, но и на его детях. Таков, например, один из тягчайших бичей человечества — сифилис, который нередко отражается и на детях перенесшего эту болезнь лица в виде золотушности, склонности к чахотке и т. п. Однако подобное влияние этих болезней длится обычно 2—3 поколения и, если условия остаются благоприятными, оно в конце концов сглаживается и исчезает, почему страдания этого рода нельзя все же ставить на одну доску с настоящими наследственными заболеваниями, о которых мы сейчас будем говорить. Словом, с точки зрения продолжения рода все приобретенные свойства, в том числе и болезни, не играют особенно большого значения благодаря тому, что они в большинстве случаев не передаются потомству или отражаются лишь на 2—3 ближайших поколениях.

Совершенно иначе обстоит дело по отношению к врожденным свойствам, потому что мы и называем этим именем все наследственные особенности, и вопрос за-

ключается только в том, что именно относится к их числу.

Более точные исследования последнего времени показали, что количество врожденных особенностей человека, передающихся по наследству, чрезвычайно велико. Сюда относится прежде всего ряд наружных признаков или внешних особенностей, как цвет глаз, волос, кожи, форма волос, носа и другие характерные черты лица, рост и т. д. Столь же наследственны, повидимому, и различные внутренние или психические особенности: то, что называют общим складом характера или темпераментом, музыкальный талант и другие специальные способности в роде способности к ремеслам, к математике, литературного и артистического таланта и пр.

Наиболее интересно однако то, что по наследству несомненно передаются не только все эти нормальные способности человека, но наравне с ними и целый ряд болезней и уродств. Давно уже было известно, что кроме болезней благоприобретаемых имеется довольно много и наследственных, т. е. таких, которые развиваются без всякой видимой внешней причины и составляют как бы часть особенностей, свойственных данной семье. В последнее время наследование этих болезней изучается особенно тщательно, и мы имеем теперь уже длинный список подобных страданий, наследственный характер которых не возбуждает, к сожалению, уже никаких сомнений.

К их числу относятся некоторые кожные болезни и болезни нервной системы, целый ряд глазных болезней в роде общеизвестного катаракта, глаукомы, ночной и цветной слепоты, болезни обмена веществ, как например

сахарная болезнь или диабет, некоторые болезни крови, глухонмота, эпилепсия, слабоумие и другие душевные болезни и еще целый ряд подобных же страданий. Число их, повидимому, очень велико, так как при ближайшем изучении данного явления список этот увеличивается с каждым годом. Наследственный характер носят, наконец, и многие уродства—короткопалость, шестипалость, волчья пасть, заячья губа, карликовый рост и т. д.

Не следует думать, впрочем, что раз та или иная особенность является наследственной, то она проявляется непременно в каждом поколении и у всех его членов. Напротив, этого обычно не бывает и передачей всех признаков управляют особые законы наследственности, согласно которым одни особенности проявляются чаще и у большего числа особей, другие реже и у меньшего их числа, одни свойственны обоим полам, другие встречаются лишь у одного пола и т. д. Говорить об этом здесь подробно заняло бы слишком много места, почему лучше остановиться на этом вопросе в особой книжке *).

Для нас важно только одно, именно что число врожденных, наследственных особенностей человека чрезвычайно велико, и именно они то и делают прежде всего каждого из нас тем, что он есть. Глубоко правильно выразился по этому поводу известный немецкий ученый—Плате. «Красивы мы или безобразны, говорит он, долго ли сохраняем на своей голове волосы или на ней рано появляется лысина, велика или мала общая продолжитель-

*) См. нашу брошюру: „Как наследуются различные особенности человека“. (Печатается в этой же серии).

ность нашей жизни, свойствен ли нам радужный взгляд на вещи или глубоко мрачное настроение, обладаем ли мы большими духовными дарами или же только преклоняемся перед талантами других,—все это зависит не от нас и не от нашей доброй воли, а от строения и состава тех ничтожных наследственных масс, которые когда то были скрыты в половых клетках, из слияния которых мы произошли».

Теперь мы можем дать и ответ на поставленный выше вопрос: какие свойства особенно важны для того, чтобы наше потомство было бы благородным в истинном значении этого слова, т. е. здоровым и физически и духовно? Совершенно ясно, что *с точки зрения продолжения рода главная роль принадлежит наследственным свойствам*, почему и чрезвычайно важно, чтобы будущие поколения получали от нас благоприятные и полезные для них врожденные особенности.

Отсюда становится понятным и существование целой науки, носящей название **евгеники**.—Слово это греческое и в дословном переводе обозначает «учение о хорошем рождении», лучше же всего можно определить ее, как *науку, изучающую все влияния, которые способны улучшить врожденные качества будущих поколений*.

Таким образом, эта наука не касается вопросов о влиянии окружающих условий на человека, особенно в его детские годы, о влиянии воспитания, болезней и вообще всего того, что мы назвали выше приобретенными свойствами. С точки зрения продолжения рода они гораздо менее важны—вот почему евгеника и сосредоточивает

свое внимание на самом главном в данном направлении, т. е. на врожденных качествах будущих поколений, на их наследственных свойствах. Если бы, действительно, удалось улучшить последние, добиться того, чтобы наши, потомки получали бы благоприятные сочетания наследственных задатков и не получали бы неблагоприятных, то было бы сделано дело чрезвычайно большого значения. Но возможно ли это и, если возможно, то каким путем?

Нельзя не отметить прежде всего, что евгеника—наука чрезвычайно молодая и не справилась еще и своего первого двадцатилетнего юбилея. Ее основателем является знаменитый английский ученый *Гальтон*, который в течение целых 40 лет неутомимо разрабатывал различные вопросы наследственности у человека. В последние годы своей жизни, совпадающие с первым десятилетием настоящего века, Гальтон выступил с рядом статей, посвященных евгенике, им же предложено в это время для данной науки и ее название.

По мнению Гальтона мысль улучшить прирожденные качества будущих поколений не представляет из себя ничего невозможного. У всех народов, стоящих как на высокой, так и на низкой ступени культуры, существуют известные законы и ограничения, касающиеся вступления в брак. При этом такие правила отнюдь не вытекают из каких либо неизменных свойств человеческой природы, так как у различных народов они зачастую носят противоположный характер и резко расходятся друг с другом. У одних народов существует единобрачие, а у других многоженство, иногда даже многомужество. Некоторые племена придерживаются обычая вступать в брак обязательно в

пределах своего рода, другие вне пределов его. С нашей современной точки зрения, женитьба на родной сестре является кровосмешением, но существовали народы, у которых подобный брак считался вполне допустимым и т. д. Все это говорит за то, что подобного рода установления были выработаны различными народами в интересах их собственного благополучия под влиянием тех условий, при которых им приходилось жить, и были выработаны совершенно бессознательно, а затем вошли в плоть и кровь народного миросозерцания в качестве его неотъемлемой части. А раз это так, заключает Гальтон, то, что может помешать человечеству проделать и теперь то же самое, но уже более сознательным и планомерным путем, т. е., опираясь на данные науки, выработать и сделать для себя обязательными новые правила, поощряющие одни браки и запрещающие другие, раз будет доказана необходимость подобных мер для общего блага?

Быть может, однако, возможно уже и теперь вступить на путь подобных практических мероприятий? По мнению Гальтона, разделяемому и многими другими сторонниками евгеники, это было бы еще преждевременно. Гальтон полагал, что вообще евгенике и евгеническому движению предстоит пройти через три последовательных стадии. На первой относящиеся сюда вопросы будут подвергаться чисто научной разработке и исследованию, при чем дело не пойдет дальше пропаганды евгенических идей, на второй можно будет уже принять ряд мероприятий практического характера и будет издано известное число соответствующих законов, наконец, на третьей стадии последние станут уже совершенно не нужны, когда люди

всецело проникнутся сознанием полной необходимости всех этих правил и евгеника станет для них своего рода «новой религией» или «евангелием будущего человечества».

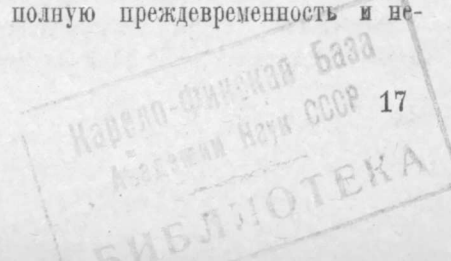
В полном согласии с этой точкой зрения Гальтон не ограничился одной пропагандой подобных идей, а организовал в Лондоне первую лабораторию по евгенике, завещав ей значительную часть своего состояния. Эта Гальтоновская лаборатория является в настоящее время одним из крупнейших учреждений подобного рода, в ней работает ряд специалистов-ученых, которыми и произведено уже много научных работ по вопросам наследственности у человека. Идеи Гальтона нашли кроме того вообще сильное распространение в Англии, где теперь существует много евгенических обществ, клубов и других организаций.

Еще больший отклик нашла себе идея евгеники в Соединенных Штатах Северной Америки. Подобно Гальтоновской лаборатории в Лондоне там организовано теперь много подобных же научных институтов по евгенике в различных городах и самый крупный из них помещается близ Нью-Йорка, нося название «Евгенического Бюро». Оно объединяет многих специалистов по вопросам наследственности и имеет целый штат сотрудников, которые собирают сведения о родословных отдельных семейств, о наследовании тех или иных интересных особенностей и т. д. Этим путем накоплен уже интереснейший и обширный материал по вопросам евгеники, кроме того Бюро в Нью-Йорке не чуждо и практической деятельности, подавая советы всем желающим вступить в брак и вообще интересующимся собственной наследственностью.

Помимо того в Америке имеется чрезвычайно много евгенических обществ, ставящих своей задачей пропаганду этих идей; они организуют публичные лекции, издают популярную литературу и т. д. Особенно важно, что идея евгеники нашла себе во многих штатах доступ и в школу и касаться с детьми этих вопросов в высших начальных училищах Нью-Йорка и других городов требуется даже программой.

Нельзя не отметить, что некоторые штаты Америки под влиянием все растущего интереса к евгенике попытались из первой стадии развития последней, как эти стадии были намечены Гальтоном, перейти уже во вторую. Последнее выразилось в издании ряда законов, носящих по преимуществу запретительный и карательный характер, т. е. запрещающих целому ряду лиц с теми или иными страданиями вступать в брак и даже грозящих им довольно суровой мерой—именно принудительным лишением воспроизводительной способности.

Мы не будем однако останавливаться здесь на этих законах по двум причинам. Во-первых, их нельзя не признать безусловно преждевременными и потому ненужными, даже более того—вредными с точки зрения широкого распространения евгенической идеи. Именно так и отнесся к данным законам целый ряд специалистов-ученых, как работающих в области науки о наследственности, так и юристов. Во-вторых же, и это самое главное, законы эти остаются пока на бумаге и не нашли себе до сих пор практического применения, и это лучше всего говорит за их полную преждевременность и ненужность.

Из других стран, не говорящих на английском языке, евгеника сильнее всего (да и то не так сильно как в Англии и в Америке) распространилась в Германии. Особенный интерес к ней поднялся уже во время войны в связи с теми громадными человеческими жертвами, которые понесла эта страна. Впрочем, благодаря перерыву сношений о евгеническом движении в Германии у нас имеется мало данных. Что касается до положения евгеники у нас в России, то мы остановимся на этом дальше.

Хотя факт быстрого распространения евгеники говорит сильно в ее пользу, но самая молодость этой науки и всего евгенического движения может зародить у некоторых известные сомнения. Почему люди жили до сих пор, не имея понятия ни о чем подобном, плодились и размножались обычным путем, а теперь явилась на свет такая то евгеника.... Да нужна ли она? Не увлечение ли это минуты? скоропреходящий крик моды, который будет скоро забыт? Для рассеяния этих сомнений мы непременно должны остановиться на вопросе, *почему никакой евгеники не было раньше, но тем не менее она необходима теперь?*

Дело в том, что в размножении не только человека, но и его домашних животных наблюдаются два различных периода. Если остановить свое внимание сперва на домашних животных, у которых все эти отношения проще и яснее, то первый период можно назвать *периодом стадного разведения и массового размножения*. Когда земли было еще много и она никому не принадлежала, главным занятием человека было не земледелие, а скотоводство и он имел целые табуны лошадей,

стада крупного рогатого скота и овец, при чем ему меньше всего приходилось думать и заботиться о размножении этих животных. В стадах и табунах нарождалось каждый год достаточное количество приплода, и хотя среди него попадалось всегда известное количество слабых и больных особей, но они погибали естественным путем и общие качества стада оставались на прежней высоте. Но вот с увеличением населения земли становится меньше, каждому приходится вести хозяйство на ограниченном клочке земли, земледелие занимает первое место и вытесняет понемногу скотоводство. При этом о стадном разведении животных не может быть больше и речи и приходится переходить к их стойловому содержанию. Возможно ли в это время прежнее массовое размножение животных без всякого контроля и наблюдения со стороны человека? Конечно, нет, и каждый сельский хозяин, имеющий теперь ограниченное количество домашних животных, сильно поплачется, если вздумает следовать примеру какого-нибудь полудикого кочевника-скотовода и не станет самым внимательным образом следить за размножением своих лошадей, коров, овец, коз и т. д. Второй—современный нам период разведения животных и характеризуется тем, что никаких стад уже нет, нет поэтому и массового размножения животных, а место последнего занимает их размножение под контролем человека, который все время производит подбор производителей с нужными и желательными для него признаками. Это есть *период подбора* по преимуществу, и благодаря этому подбору, несмотря на гораздо меньшее количество животных, качества их не только не ухудшаются,

но становятся, как известно, гораздо выше, чем при прежнем стадном разведении их.

Так как законы размножения общи для всех живых существ, то нет ничего удивительного в том, что те же два периода размножения свойственны не только различным домашним животным но и человеку.

Действительно, мы не впадем в ошибку или в преувеличение, если скажем, что наши деды и прадеды размножались еще массовым образом, теперь же наступил второй период, для которого характерны совсем иные отношения. В самом деле почти каждый из наших дедов, а у некоторых и отцов имел по 8—10 или даже более детей; из них слабейшие обычно погибали, а другая половина выживала и оказывалась вполне приспособленной к жизни. При этом происходил тоже отбор наиболее сильных и приспособленных, но отбор того же рода, который происходит в стадах домашних животных или вообще в природе и который называют естественным отбором. Конечно, в это время не было особой надобности и в евгенике, которая вообще несовместима с массовым размножением, и, действительно, даже еще в прошлом веке не было совсем евгенического движения.

Что же мы видим однако теперь? Все, что угодно, только не массовое размножение человечества, и, повидному, в большинстве культурных стран время для него прошло безвозвратно. Семьи прежнего типа с добрым десятком детей составляют в настоящее время и в городах, а во многих местах и в деревнях большую редкость, и их место занимает теперь и везде за границей и у нас в России семья совсем иного типа, в которой всего два—

три, много-много если четыре ребенка. Факт падения рождаемости во всех культурных странах настолько несомненен, что его едва ли нужно даже подкреплять какими-либо статистическими данными.

Быть может, однако, это только временная заминка в деле размножения человечества, а в будущем оно вернется к прежнему массовому размножению? В последнем позволительно очень усомниться, и, напротив, все говорит за то, что данное явление будет продолжаться и дальше и с ростом культуры перебросится и в другие страны—туда, где его пока еще нет. Слишком уже велики и сложны те причины, от которых зависит это общее падение рождаемости: и усложнение потребностей населения, и привычка к большим удобствам жизни, и большая трудность добывания себе и семье хлеба насущного, и иное отношение к женщине и к тем же детям и т. д. и т. д.

Само по себе, однако, падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы рука об руку с ними не шло другое явление, именно вырождение и заметное ухудшение качества новых нарождающихся поколений. Конечно, было бы некоторым преувеличением сказать, что современное человечество уже вырождается, но что некоторые грозные признаки начинающегося вырождения уже имеются, в этом, к сожалению, теперь трудно сомневаться. Укажем на такие явления, как повсеместное понижение требований при рекрутских наборах, гораздо более широкое распространение многих тяжелых болезней в роде чахотки и других, на ухудшение особенно среди городского на-

ееления зрения и широкое применение очков и т. п. В частности все эти грозные симптомы заметны в настоящее время не только во многих иностранных государствах с их более плотным населением, но и у нас в России, которая еще сравнительно недавно была более счастливой в этом отношении.

Другой вопрос, отчего зависит это вырождение, тем более что и причин у данного явления, вероятно, не одна, а много. Укажем, что с ростом культуры и умением излечивать многие болезни оставляют потомство зачастую и более слабые элементы, т. е. процессе естественного подбора заметно ослабляется. Влияет при этом неблагоприятно и обычный спутник более культурного состояния—разделение труда между людьми—и те менее нормальные условия, при которых многим приходится жить и работать, а также многое другое. Для нас здесь важнее всего не причины, а факты, и таких фактов необходимо отметить два: общее падение рождаемости, во-первых, и грозные признаки начинающегося вырождения, во-вторых, и над совместным действием этих двух явлений не мешает серьезно задуматься.

Ведь в истории человечества уже известны случаи, когда процесс вырождения охватывал некоторые народы, достигшие по сравнению со своими соседями более культурного состояния. Рождаемость при этом тоже обычно падала, и все это приводило к самому плачевному результату—именно к гибели и вымиранию таких народов, место которых занимали более свежие элементы. Но в настоящее время данное явление безусловно еще страшнее, так как благодаря тем многочисленным связям, ко-

торые соединяют все народы земного шара, всякий достаточно сильный процесс быстро делается из местного мировым, охватывая собою почти все человечество. Вот почему уменьшение рождаемости и вырождение так теперь и опасны, раз они могут повести к уничтожению и гибели всего человечества или по крайней мере его большей наиболее культурной части. Мы ни в коем случае не должны, прямо не можем, допустить быть захваченными в этом отношении врасплох и, раз некоторые грозные симптомы уже имеются налицо, должны своевременно подумать о предотвращении угрожающего нам бедствия, т. е. *позаботиться об улучшении врожденных качеств будущих поколений*. Так как последнее и составляет задачу евгеники, то возникновение ее в настоящее время становится вполне понятным и очень важным.

Но возможно ли это вообще, не является ли самая мысль об этом не более как утопией? Почему же невозможно, ответим мы на это, раз законы размножения везде одни и те же, а человек уже прекрасно справился с исчезновением массового размножения своих домашних животных и, применив подбор производителей, даже повысил, не смотря на это, их общие качества. Неужели человек не заслуживает и при том в гораздо большей степени того, что достигнуто им для его животных и, раз это удалось для них, почему же это не может удасться и для самого их обладателя? Нужно только знать, что следует делать в этом направлении, и на этот то наиболее важный вопрос и должна нам ответить евгеника.

Заметим прежде всего, что подчеркивая не раз общность законов размножения для человека и животных, мы отнюдь не хотим сказать, что к человеку, да еще при том в такой глубоко интимной области, возможно применение тех же приемов, какие практикуются при разведении животных. Вот почему самая мысль о внесении в это дело какого-либо принудительного начала, о каком-либо насильственном подборе желательных элементов и устранении (насильственным же путем) нежелательных должна быть раз навсегда совершенно оставлена—прежде всего в интересах распространения естественных идей.

Мы упоминали уже, например, что некоторые штаты Северной Америки вступили на путь запретительной и карательной евгеники вплоть до угрозы лишения некоторых лиц оперативным путем их воспроизводительной способности. Но разве можно возлагать какие-нибудь серьезные надежды на эту меру? Разве она может остановить размножение тех, чье размножение особенно нежелательно? И не показал ли опыт всех времен и народов, что подобные устрашающие меры обыкновенно ни к чему не приводили и явления, против которых они были направлены, от этого несколько не уменьшались. Между тем подобного рода мероприятия, носящие характер насилия над человеческой личностью, легко могут оттолкнуть многих от евгеники и создать об ней совершенно неправильное представление.

Столь же мало можно возлагать надежды на законодательное запрещение браков между известными лицами, требование о представлении при женитьбе свидетельства

о здравьи и т. д. В кодексе законов большинства стран запрещается брак в самых близких степенях родства, но разве такие запреты останавливают людей от кровосмешения? С другой стороны, хотя еще недавно по нашему русскому законодательству запрещались и даже карались браки между двоюродными братьями и сестрами или женитьба на сестре жены брата (свояченице), но разве такие браки не происходили постоянно?

Мы не хотим, конечно, сказать этим, что известные ограничения при вступлении в брак не нужны и их следует отменить. Напротив, их число, быть может, не мешало бы даже увеличить, так как законы отражают в конце концов в себе лишь господствующие в данный момент воззрения, но в этом нельзя видеть никакого радикального средства против угрожающих нам зол. Ведь самый хороший закон, если он плохо применяется, ничего не стоит, и в этом отношении гораздо важнее писанных законов те неписанные, которые человек носит в своем сердце, впитывая, как говорится, с молоком матери или получая во время воспитания. К тому же данная область носит слишком сложный и интимный характер, чтобы ее можно было бы исчерпать простым запрещением того-то и того-то. Допустим, например, что вступление в брак при быстро развивающейся чахотке запрещено, что по существу, конечно, разумно. Но ведь каждая человеческая личность имеет право на свою долю личного счастья, а евгеника имеет дело лишь с интересами будущих поколений. Будут ли нарушены последние, если двое заведомо чахоточных вступят в брак, но не оставят детей и не

лучше ли во много раз это, чем если бы один из них имел внебрачного ребенка?

Что же мы можем, с своей стороны, противопоставить всем этим мерам, которые, как нам кажется, не могут достигнуть своей цели? Только *знание*: прежде всего *знание всех относящихся сюда вопросов*, а затем *распространение этого знания в широких народных массах*. Лишь эти две вещи могут помочь нам в борьбе с надвигающимися на нас злом и они гораздо надежнее всяких запретительных и карательных законов.

В самом деле, половая жизнь каждого человека, его размножение—это та область, вмешательство в которую другого лица невозможно и где хозяином каждый является сам. С другой стороны, кто добровольно пойдет на то, чтобы его ребенок был жалким калекой, уродом, душевно-больным и т. п., если он только твердо знает, что именно так будет и при известном стечении обстоятельств этого нельзя избежать.

Соображение, будто в этого рода вопросах страсть сильнее рассудка, едва ли правильно, ибо при этом дело может идти не об обречении себя на безбрачие, а только об отказе от рождения детей, что в некоторых случаях может считаться неременной обязанностью той или иной супружеской пары.

Каждое человеческое существо имеет право на свою долю личного счастья, но не каждый имеет право быть отцом или матерью. Эта точка зрения иногда вызывает сильный протест, но это объясняется только нашим недостаточным знакомством с законами наследственности, почему так неотложно необходимо просвещение широких

народных масс о всей глубине и силе последних. Впрочем, отказ от деторождения может иметь место только в немногих исключительных случаях, в большинстве же их будет совершенно достаточно лишь избегать брака с лицом, имеющим ту или иную нежелательную наследственность, на что и теперь нередко указывают врачи, хотя далеко не всегда подобные указания достигают своей цели. Большинство склонно теперь чрезвычайно легкомысленно относиться к этим вопросам, но виною в этом исключительно наше глубокое невежество. Если же евгенические идеи получают достаточно широкое распространение, если они получают широкий доступ и в школу, где складывается мировоззрение каждого человека, то отношение к этим вопросам станет иным и можно надеяться, что человечество выработает совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер. Повторяем: *важно знать, а всякое знание неизбежно дает плоды, так что в области евгеники все дело сводится к знанию и к распространению этого знания*.

Велико ли однако наше знакомство с областью явлений наследственности у человека, на которой основывается евгеника? За последние 20 лет оно сильно подвинулось вперед и теперь благодаря дружной работе ученых различных стран растет с каждым годом. Что уже известно теперь в этом направлении, читатель найдет в другой нашей книжке *), прочтя которую он наверное согла-

*) См. нашу брошюру: „Как наследуются различные особенности человека“ (печатается).

сится, что сделано уже очень много, хотя еще больше предстоит сделать впереди.

Вот почему в настоящее время так важна организация специальных евгенических институтов, лабораторий, бюро, в которых и должна сосредоточиваться вся научная работа в данном направлении. Число их за границей увеличивается с каждым годом, и мы русские не должны, конечно, отставать в этом направлении от других, так как дело это одинаково важно для всех народов.— Не менее важной задачей является создание и специальных евгенических обществ, которые могли бы заняться пропагандой данной идеи различными путями, что, как мы видели выше, широко практикуется такими обществами в Америке. Посмотрим в заключение, что делается теперь в этом направлении у нас в России.

До 1920 года никаких практических начинаний евгенического характера в России не было, да и знакомство с этим важным направлением было очень невелико, так как вся литература по этому важному вопросу сводилась к 2—3 журнальным статьям.

Летом 1920 года в Москве в Институте Экспериментальной Биологии (Сивцев Вражек, 41) было организовано специальное Отделение Евгеники, а вскоре в самой тесной связи с ним возникло там же Русское Евгеническое Общество, при чем оба этих молодых учреждения успели развить довольно энергичную деятельность. Евгеническое Общество уже отпечатало специальную анкету по наследственности, а Отделение Евгеники приступило к ряду научных исследований на те же темы,

подготавливает специальные летние экспедиции того же характера и т. д.

Такой же, хотя и более скромной по размерам, первой научной ячейкой евгенического характера у нас в Петрограде является Бюро по Евгенике Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской Академии Наук, из которого и исходит настоящая брошюра.

Для деятельности Бюро по Евгенике поставлены следующие задачи:

1) изучение вопросов наследственности специально в приложении к человеку путем устройства анкет, обследований, экспедиций и т. д.;

2) распространение в широких народных массах сведений о законах наследственности у человека и о целях и задачах евгеники путем издания популярных книг, брошюр, устройства публичных лекций и т. п.;

3) подача советов евгенического характера желающим вступить в брак и вообще всем интересующимся собственной наследственностью.

Бюро по Евгенике открыло свою деятельность в марте 1921 года и в нем ведутся уже некоторые исследования по специальным научным вопросам. Оно помещается на Петроградской стороне по Большому проспекту дом № 7 (или Зверинская 4), кв. 49 и открыто во всякое время для каждого желающего получить те или иные справки по интересующему его вопросу, указания на литературу и т. д. Обращаться в Бюро можно и письменно на имя заведующего им профессора Юрия Александровича Филипченко.

Отметим в заключение еще одно важное обстоятельство. Для успешного выполнения своей главной задачи—изучения наследственности у человека—Бюро по Евгенике заинтересовано в получении возможно большего числа сведений о наследовании ряда особенностей в различных семьях, т. е. о том, какие особенности свойственны не только тому или иному отдельному лицу, но и его отцу, матери, дедам, бабушкам, жене, детям и другим родственникам. При этом чрезвычайно важно получить сведения о возможно большем числе признаков всех этих лиц, как и чисто внешнего характера (цвет глаз, волос, рост, сложение и т. д.), так и внутреннего свойства (склад характера, общие способности, специальные таланты, если они имелись, и пр.), наконец, о более тяжелых болезнях, перенесенных этими лицами, об каких-либо ненормальностях, если они наблюдались, и т. д. и т. д. Для занесения всех этих данных в Бюро имеются особые опросные (анкетные) листы, которые высылаются и вообще раздаются им всем желающим.

Не следует думать, что сообщение таких сведений интересно только в том случае, когда в семье наблюдались различные редкие отклонения от нормы, особенно выдающиеся способности или тяжкие наследственные болезни. Напротив, сообщение даже сравнительно небольшого числа сведений о своей семье—сведений, которые легко может сообщить почти каждый (в крайнем случае о муже, жене и их детях, если данных о родственниках по восходящей линии почему-либо не имеется), представляет всегда известный научный интерес и может дать зачастую важный материал для того или иного специального исследова-

ния. Вот почему мы обращаемся здесь от имени нашего Бюро с горячим призывом ко всем, кому ясно значение и задачи евгеники, не отказать в сообщении таких данных, затребовав для этого из Бюро анкетные листы. Излишне говорить, что всем сообщаемым сведениям гарантируется полная конфиденциальность, что ни одно имя не будет опубликовано и что вообще весь этот материал не выйдет из рук научного персонала Бюро по Евгенике. Доставлением же подобных сведений каждый может хоть немного способствовать интересам того дела, которое безусловно относится к числу наиболее важных и неотложных задач, стоящих вообще перед человечеством

Карело-Финская База
Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА

1921
8888

Напечатано по распоряжению Российской
Академии Наук.

Непременный Секретарь
Академик С. Ольденбург.

Ноябрь 1921 г.

Второй выпуск
1921 г.